

В. В. Наумкин¹

ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА

Диалог — не только инструмент выстраивания мирного сосуществования и взаимодействия культур, находящихся в состоянии враждебности друг к другу, но и средство преодоления *мифов* и негативных *эмоций*, порой порождающих конфликтные отношения между ними в большей мере, нежели рациональные причины.

Страх занимает ведущее место среди эмоций, вызывающих недоверие, враждебность, конфликтность и ненависть. Впрочем, прав и живущий в Иерусалиме шеф бюро журнала “Time” Мэтт Рис, который в своей работе «Геополитика эмоций» фокусирует внимание на трех из большого числа эмоций, которые определяют поведение человека, — на страхе, надежде и унижении, поскольку они «теснейшим образом связаны с *доверием*». А оно, в свою очередь, «решающим образом влияет на то, как нации и люди отвечают на встречающие их вызовы и как относятся друг к другу». Страх в равной степени одинаково влияет на поведение как государств, так и этнических групп. Страх перед уничтожением в недавнем прошлом побуждал каждую из двух сверхдержав — СССР и США — добиваться такой степени вооруженности ядерными зарядами и их носителями, чтобы противная сторона не могла безнаказанно нанести ей уничтожающего удара. Родилась доктрина взаимно гарантированного уничтожения. Как ни парадоксально, это было основанием для диалога. Хотя, конечно, не всякие переговоры есть диалог, но здесь это были не просто переговоры, а именно диалог двух противостоящих друг другу ценностных систем, невысказанный без преодоления экзистенциального страха.

Ядерное оружие, по сути, выполняет функцию инструмента преодоления страха. Для Израиля, к примеру, не признаваемое им обладание этим оружием порождено не только рациональными мотивами (способность сдерживать потенциального противника, превосходящего его по человеческому потенциалу и обычным вооружениям), оно глубоко иррационально, как и сам психологический комплекс выживания, вполне понятный с учетом исторического прошлого еврейского народа. Однако страх часто генерирует ненависть, мешающую необходимому налаживанию отношений с соседями и конструктивному диалогу. Идеологизация, накладываемая на страх, усугубляет все те негативные

элементы в ментальности и поведении группы, которые мешают не только взаимопониманию с другими, но и со своим народом.

Вышеупомянутый Мэтт Рис, исследовав менталитет выживших жертв Холокоста в Израиле, пишет о резком дефиците внимания к ним со стороны израильских властей еще в недавнем прошлом, объясняя это как меркантильными, так и идеологическими причинами. Говоря о периоде «раннего сионизма», он приводит высказывание Давида Бен-Гуриона, сделанное им через месяц после «Хрустальной ночи»²: «Если бы я знал, что можно спасти всех еврейских детей Германии путем переселения их в Англию и только половину из них путем переселения в Эрец-Исраэль (“Землю Израиля”), я бы избрал последнее»(!). На фоне извечного страха поспрашивая Израилем элементарных прав палестинцев оккупированных территорий выглядит как вызванная эмоциями месть за пережитое в прошлом унижение.

Иррациональный страх лежит и в основе израильской концепции «экзистенциальной угрозы», с помощью которой сегодня оправдывается возможность нанесения превентивного удара по Ирану. Правда, наиболее реалистические политики не разделяют призывов к войне, иногда напоминая истерию.

Страх в конечном счете побудил северокорейский режим, вряд ли планирующий начать ядерную войну против Юга, но рассчитывающий обеспечить свое выживание, создать атомную бомбу.

Но что же такое страх в данном контексте? Как считает французский ученый Доминик Моиси, «страх — это эмоциональный ответ на реальное или преувеличенное предположение о нависающей угрозе. Страх ведет к защитному рефлексу, который отражает идентичность и хрупкость человека, культуры или цивилизации на данный момент... Страх — сила для выживания в природно опасном мире».

Страх руководит отношением значительной части западных обществ к Китаю. В связи с его бурным развитием и ростом аналитиков волнует вопрос: что будет, если «коллективистские общества» (не стоит забывать и о быстро развивающемся Вьетнаме) будут столь экономически успешными, что превзойдут Запад? Но дело не только в этом. В одной из своих колонок американский журналист Дэвид Брукс писал из Китая: «Подъем Китая — не только экономическое явление. Это и явление культурное. Идеал гармоничного коллективистского [общества] может обернуться столь же притягательным, как американская мечта». И здесь диалог является единственным средством преодоления страха через формирование доверия между государствами, нациями и этническими группами.

Теперь немного теории. Напомню о так называемой теории символического выбора. Не случайно в ее рамках центральным для понимания этничности явля-

¹ Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle» и др. Главный редактор журнала «Восток (ORIENS)». Заведующий кафедрой регионоведения Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе Орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посулялока за достижения в области международной журналистики.

² Первая массовая акция физического насилия нацистов над евреями прошла в Германии с 9 на 10 ноября 1938 года.

ется комплекс «**миф–символ**». По Эделману, миф — это «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение» (в рамках такого понимания то, состоялось ли на самом деле событие, называемое мифом, или было вымышлено, не имеет значения). Символ понимается как «эмоционально заряженная ссылка на миф». Один из авторов, работающих в жанре этой теории, Стюарт Кауфман, пишет, что комплекс «миф–символ» представляет собой «сеть мифов и связанных с ним символов». Иначе говоря, люди совершают политический выбор не столько по расчету, сколько руководствуясь эмоциями и отвечая на предлагаемые им символы.

По Дональду Горовицу, непосредственным побуждением к этническому насилию являются эмоции, как, например, **страх** перед угрозой исчезновения группы. Кроуфорд Янг фокусирует внимание на важной роли стереотипов (мифов) и символов в «поддержании идентичности и продвижении групповой мобилизации». Таким образом, парадигма возникновения этнической конфликтности, которую предлагают Янг и Горовиц, выглядит следующим образом: *страх* перед уничтожением группы (или уничтожением ее идентичности) ведет к возникновению чувства враждебности, а затем и к групповому насилию. По Янгу, атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность, побуждает людей рассматривать события в этнических терминах.

Все сказанное хорошо иллюстрируется проблемой мусульманской диаспоры в Европе. Если для США и Канады иммиграция давно стала частью их жизни, то государства Западной Европы, начав испытывать нужду в рабочих для бурно развивающейся экономики, стали поощрять массовую иммиграцию лишь с середины 1950-х годов. Значительная часть миграционных потоков, текущих на Запад и Север, в первую очередь в Европу, приходится на государства исламского мира, откуда на континент попали люди, исповедующие другую религию, отличающиеся более сильной религиозностью и иные в культурном отношении.

Это предопределило появление серьезных проблем, связанных со страхом, причем именно религиозный фактор, как считают многие европейцы, сыграл в этом ведущую роль. В Дании с приходом к власти правой Датской народной партии (ДНП) были приняты самые жесткие в Европе меры против иммиграции. Министр интеграции Рикке Хвилшой еще в 2005 году, выражая популярные настроения, заявлял: «Проблема состоит в том, что вы не можете интегрировать большое число мусульман в стране, культурная база которой является христианской». А разве не страх прослеживается в суждении известного американского журналиста и автора фундаментальной работы о мусульманских иммигрантах на Западе Кристофера Колдуэлла: «Европейская терпимость к другим культурам была искренней, особенно среди элит, но даже они не предвидели, что подобная терпимость будет означать появление, укоренение и устойчивое распространение иностранной религии на европейской земле»? Таким образом, заключает автор, Европа сама посеяла семена

угрозы — межрелигиозного разлада, как внутреннего, так и международного (!). Действительно, европейские державы имели длительную историю противоборства с исламским миром, обостренного колониализмом. Дух отношения к исламу как к потенциальной угрозе выразил в конце XIX века известный французский писатель Эрнест Ренан: «Ислам был либерален, когда был слабым, и агрессивен, когда был сильным». Именно этот исторический фон сделал столь легким распространение в Европе антиисламских настроений, когда для этого уже в наше время появились и другие причины.

В настоящее время численность мусульманской общины в Европе составляет более 20 млн человек, в том числе более 5 млн — во Франции (преимущественно арабы), примерно 4 млн — в Германии (преимущественно турки), 2 млн — в Великобритании (преимущественно пакистанцы и бенгальцы), причем только в Лондоне постоянно проживает более 1 млн мусульман, или восьмая часть его населения. Прирост населения среди мусульман значительно выше, чем среди немусульман, и, по разным прогнозам, уже в третьей четверти XXI века в Европе будут преобладать мусульмане. Конечно, никто не знает, какими они станут к тому времени и какую эволюцию претерпят отношения между Западом и исламским миром (хотя, по замечанию Самюэля Хантингтона, «многовековое военное противостояние Запада и ислама вряд ли уменьшится»).

В стремлении ограничить иммиграцию и прирост некоренного населения некоторые европейские государства прибегают к крайне жестким мерам. Дания приняла беспрецедентный для Европы закон, запрещающий ее гражданам привозить в страну супругов в возрасте моложе 24 лет, если те не являются гражданами государств Европейского Союза (процедура для более взрослых возрастов предельно осложнена). Это связано с тем, что, согласно статистическим данным, рост миграции в значительной степени происходит за счет того, что живущие в Европе мигранты из стран Азии и Африки предпочитают находить брачных партнеров в странах своего происхождения. При этом на основании статистических данных делается вывод о том, что именно молодые люди являются партнерами по довольно распространенным в иммигрантской среде фиктивным бракам (*arranged marriages*).

В течение многих лет примерно 25 тыс. турецких граждан, 2/3 из которых — женщины, подают заявления в консульства Германии о получении визы в связи с заключением брака с гражданином этой страны. Иначе говоря, с середины 1980-х годов в страну въехало около полумиллиона «импортных» супругов, а турецкое меньшинство в Германии прирастает и за счет таких браков, и за счет рожденных в них детей. В Великобритании 60 % пакистанцев и бангладешцев заключают браки с «импортными» супругами, что было главным фактором 50-процентного роста пакистанской общины в Манчестере, Бирмингеме и Брэдфорде в 1990-е годы. Европейцы видят проблему не в том, что подобные браки бесконтрольно увеличивают число иммигрантов, а в том, что они, во-первых, являются тревожным сигналом коллективного выбора иммигрантов против ассимиляции/интеграции и, во-вторых,

увеличивают процент граждан, не владеющих языком принявшей их страны и совсем не интегрированных в общество, что влечет за собой геттоизацию. Впрочем, такой выбор неудивителен.

По данным Немецкого института молодежи, 53 % живущих в Германии турчанок в возрасте от 16 до 29 лет ни при каких условиях не готовы выйти замуж за немцев. Другая сторона также не расположена к смешанным бракам: по опросам, подавляющая часть немцев не хочет «иметь турецкого родственника». В Дании 90 % жителей турецкого и пакистанского происхождения в первом, втором и третьем поколениях иммигрантов находят супругов в странах своего происхождения. Это, как представляется, следует объяснить не только различиями культур, мешающими им жениться на датчанках, но и их низким статусом в обществе и дискриминацией, которой они подвергаются, что, в свою очередь, препятствует успешной интеграции. Об антиинтеграционных настроениях турок в Германии свидетельствует и тот факт, что лишь 5 % из них хотели бы быть похороненными в Германии, хотя позитивным является желание 68 % опрошенных иметь мусульманские кладбища в Германии. Впрочем, тот факт, что их нет или слишком мало, может являться простым объяснением стремления турок быть похороненными на исторической родине — в соответствии с исламскими обычаями. Гибридационному культурному и биологическому смешению препятствуют мифы и стереотипы, разделяющие мусульман и коренных жителей стран Запада. Они особенно ярко проявляются в интерпретации отношения к женщине.

Мусульмане полагают, что в западном, особенно европейском обществе царят распущенность и вседозволенность, а женщины ведут себя аморально. Они крайне негативно смотрят на добрачные сексуальные контакты, не говоря уже о супружеской измене. Мусульмане убеждены в превосходстве своих моральных устоев, полагая, что для них характерны уважение к женщине и равноправие, но с учетом физиологических различий между полами. Они подчеркивают, что исламское вероучение защищает женщину, и полагают, что западное общество этого не делает. Отметим, что за сексуальную распущенность и забвение семейных ценностей европейскую цивилизацию критикует и Русская православная церковь. Некоторые представители мусульманской диаспоры в Европе считают, что своей крайне откровенной одеждой европейские женщины сами провоцируют мужчин на сексуальную агрессию. Девушка, согласно моральным установкам мусульман, должна вступить в брак девственницей. Некоторые мусульманские родители требуют от гинекологов для своих дочерей перед свадьбой «сертификат невинности». Появились хирурги, специализирующиеся на восстановлении девственности (в Голландии вплоть до мая 2004 г. эта операция даже покрывалась медицинской страховкой). Британский журналист из “Daily Mail” взял интервью у такого хирурга, который по заказу невест формировал мембрану и вживлял в нее капсулу с искусственной кровью.

Европейцы со своей стороны, так же как и мусульмане, убеждены в превосходстве своей концепции от-

ношений между полами. Даже в Великобритании, которая имеет многолетнюю историю в целом бесконфликтного сосуществования различных общин и культур, 60 % опрошенных коренных британцев считают, что мусульмане «неуважительно» относятся к женщине. А опросы, проведенные в Испании, показали удивительное совпадение оценок друг друга, которые дают мусульманские и немусульманские респонденты: 83 % коренных испанцев считают отношение к женщине со стороны другой группы неуважительным и лишь 12 % — уважительным, среди мусульманских респондентов эти цифры соответственно 83 и 13 %. Мусульман обвиняют в избиении жен, которое дозволяется шариатом. На самом деле по этому вопросу в кругах самих мусульман нет согласия. Модернистски настроенные религиозные и общественные деятели вообще выступают за сочетание приверженности нетленным исламским ценностям с отказом от архаичных законодательных установок. Американский профессор религии иранского происхождения Абдулазиз Сачедина считает, что мусульмане «должны понимать шариат как систему ценностей, а не как систему законов». Российский профессор арабского происхождения Тауфик Ибрагим, говоря об интерпретации средневековыми мусульманскими богословами 34-го аята 4-й суры Корана как дозволяющего мусульманам побивать непослушных жен, толкует глагол «*дараб*» в смысле их покидания, а не избиения. Безусловно отжившим и не имеющим никакого отношения к исламскому вероучению является восходящий к доисламской родоплеменной этике обычай «убийств чести», когда отцы и братья девушек или женщин убивают преступников за нарушение кодекса поведения. Обычно «убийства чести» совершают курды и пакистанцы, причем делают это открыто, не таясь, хотя знают об ожидающем их суровом наказании. Кстати, строго карают за такие преступления и в странах Залива, где гастарбайтеры часто считают своих дочерей и сестер, как и самих себя, обеспеченными даже в том случае, если те слишком фривольны одеты.

Особый случай для отношений между мусульманской диаспорой и коренным большинством в Европе представляют собой полигамные браки. Большинство стран Евросоюза не признает распространения права на воссоединение за членами полигамных семей и вообще сам мусульманский институт полигамного брака. Но в Европе существует и другая точка зрения на мусульманскую полигамию, которую следует уважать как часть культуры мусульманского сообщества (хотя в ряде стран самого исламского мира многоженство законодательно запрещено). В Великобритании в феврале 2008 года Департамент труда и пенсий признал права «дополнительных супругов» и даже предоставил им некоторые бонусы. В реальности полигамные браки существуют даже в такой жестко секулярной стране, как Франция, — в основном среди выходцев из стран Западной Африки.

В последнее время европейские страны для регулирования иммиграции используют технологию **выборочной иммиграции** (*immigration choisie*), к примеру, широко открывая двери лишь для докторов и програм-

мистов, в которых они остро нуждаются, поскольку коренные жители не стремятся приобретать необходимую квалификацию. В некоторых европейских городах иммигранты составляют весьма значительную часть этого персонала. Тем не менее уровень жизни подавляющего большинства выходцев из стран исламского мира в государствах Евросоюза значительно уступает уровню жизни коренного населения.

Согласно исследованию Фонда короля Бодуэна по марокканской общине Бельгии, каждый второй выходец из Марокко живет в Европе ниже черты бедности, причем более трети предпочитают идентифицировать себя как мусульмане, а не как марокканцы или бельгийцы; менее 30 % работают за зарплату, 20 % — безработные. Как пишет российский журналист, «им часто отказывают в приеме на работу из-за арабского имени или просто по фейсконтролю. С такими данными не во всяком районе Брюсселя можно снять жилье. Молодежь третьего и четвертого поколений говорит об “узаконенном расизме”. Но предпочитает демократию, ценит бельгийскую социальную систему и уважение прав человека по сравнению с исторической родиной, куда не хочет возвращаться». Али Аллави, иракский экс-министр, исследователь из Принстонского университета, пишет о том, что в 2005 году среди турецких и марокканских иммигрантов в Бельгии (почти все они мусульмане) безработных было почти 40 % (!), среди коренных жителей — 7 %. Зато в европейских тюрьмах мусульман непропорционально много: в Великобритании — 11 % (в то время как мусульмане составляют всего 3 % населения), во Франции — шокирующая цифра! — от 60 до 70 % (всего мусульман около 10 % населения), в Голландии эти цифры соответственно 20 и 5 %.

Проблема конфликтности в отношениях между мусульманской диаспорой и принимающими ее европейскими государствами вряд ли будет преодолена и в условиях потепления, вызванного поддержкой Запада протестных движений в ходе «арабской весны». Конструктивный диалог затруднен теми страхами и недоверием, которые испытывают общины друг к другу.

Впрочем, именно в результате «арабской весны» проблема доверия и диалога остро встала и внутри арабского мира, в части которого пришли к власти исламистские партии в лице умеренных «Братьев-мусульман» и радикально-религиозных салафитов (этим термином принято обозначать широкий спектр течений в исламе, апеллирующих к идее возвращения к ценностям *ас-салаф ас-салих* — «праведных предков»). Здесь развернулись острые дебаты как между исламистами и сторонниками светского правления, так и между различными исламистскими течениями. Напряженная идейная борьба идет сегодня не только, к примеру, между шиизмом и суннизмом, суфизмом и ваххабизмом, но и между конфликтующими между собой течениями внутри современного саудовского государства. Современный политизированный ваххабизм (или неоваххабизм) также именуют «сахвизмом». Этот термин происходит от выражения «*ас-сахва ал-исламийя*» («исламское пробуждение»), получившего распространение в 1970-е годы в противовес, с одной стороны,

традиционному официальному ваххабитскому религиозному истеблишменту Саудовской Аравии, а с другой — более воинственному, джихадистскому течению в салафизме, которое также именуют неосалафизмом. Пример такого течения — идеи и деятельность Джухаймана ал-‘Утайби и его последователей, которые в 1979 году захватили священную мечеть в Мекке. Однако есть и такие салафиты, которые решительно отвергают саму идею джихада как насильственного действия, основанную на концепции *такфира* (предания анафеме тех мусульман, которые «неправильно» исповедуют ислам и за это подлежат истреблению). Для того чтобы привести пример подобного дискурса, можно процитировать одного из критиков джихадизма, саудовского автора Халида ал-Духайла. Он утверждает, что, во-первых, идея джихада в ваххабизме может быть реализована лишь в границах территории централизованного государства, которое его основатели построили на Аравийском полуострове, во-вторых, с учетом приверженности ханбалитскому мазхабу ваххабиты не могут принять джихад без одобрения *валий ал-амр* (главы религиозной общины), оформленного в виде официального заявления.

Ваххабизм даже в его неполитизированной форме критикуют не только за пределами Аравии, но и внутри ее. В письме в западную газету бывший последователь радикальных ваххабитов Мансур ал-Нукайдан писал: «Начиная с возраста 16 лет я был ваххабитским экстремистом. Со своими единомышленниками мы поджигали лавки, в которых торговали кассетами с западными кинофильмами, и даже спалили благотворительное общество для оказания помощи вдовам в нашей деревне, поскольку были убеждены, что оно имеет целью освобождение женщин». Жестокость таких действий очевидна, но стоящая за ними позиция сфокусирована скорее на культуре, поведенческих нормах, нежели на политике.

Серьезные противоречия между даже сугубо «бытовым», неполитизированным фундаментализмом (будь то саудовский ваххабизм или движение «Талибан») и принятыми в подавляющем большинстве обществ современного мира (в том числе и мусульманских обществ) нормами и ценностями довольно велики. Критики ваххабизма обычно исходят из постулата о непримиримости этого направления в исламе. В связи с этим заметим, что терпимость ислама в целом отмечают не только авторы, принадлежащие к числу последователей этой религии, но и те, кого трудно заподозрить в предвзятости. Так, Лев Поляков, французский писатель, известный фундаментальными трудами о преследовании евреев в различные исторические эпохи, пишет: «...ислам — это прежде всего религия терпимости. Нет ничего более фальшивого, чем рассматривать ее в соответствии с весьма распространенным подходом как уничтожающую любое сопротивление огнем и мечом». Сравнивая мусульманскую и христианскую цивилизации, этот автор идет еще дальше: «...кроткие предписания Иисуса привели к рождению воинственной цивилизации, наиболее непримиримой из всех известных в истории человечества, в то время как воинственное учение Мухаммада породило го-

раздо более открытое и терпимое общество». Добавим, что в обоих случаях (что было бы справедливо и для других мировых религий) речь идет не о самих религиозных доктринах, а о социализации религии, поведении людей, совершающих жестокость якобы во имя торжества религии. В этом плане радикал-джихадисты в чем-то (если не считать глобальные амбиции) весьма схожи со средневековыми инквизиторами. Их идеи и действия находятся в остром противоречии с мировоззрением абсолютного большинства мусульман мира и с классическим наследием ислама, в том числе, как показывает американская исследовательница Делонг-Ба, с идеями ибн Абд-аль-Ваххаба. Все большее число современных мусульманских мыслителей призывает к модернизации религиозных догм.

Конструктивные попытки модернизации изнутри, к которой призывают эти мусульманские деятели, поддерживаются одной частью мусульманской *уммы*, вызывают настороженное отношение у другой и полное неприятие у третьей. Проклятия немалого числа консерваторов посыпались на голову одного из лидеров мусульманской общины Европы, внука основателя движения «Братьев-мусульман», университетского профессора Тарика Рамадана, когда в ходе дебатов с Николя Саркози, в то время министром внутренних дел Франции, он предложил ввести в современном исламе мораторий на применение *хууд* — жестоких телесных наказаний, которым шариат предписывает подвергать мусульманина за определенные, осуждаемые Богом преступления. Иначе говоря, эти наказания следует не отменить, а отказаться от их применения.

Т. Ибрагим, подобно Рамадану, исходящий из понимания несовместимости *хууд* с универсальными человеческими ценностями в их современном значении (и, подобно ему, подвергающийся за это нападкам со стороны консервативной части мусульманского религиозного истеблишмента), также не покушается собственно на шариат, но стремится доказать, что в источниках мусульманского вероучения вообще нет прямого указания на необходимость применения этих шокирующе жестоких наказаний. Оба ученых, равно как и многие их последователи, полагают, что подобная адаптационная модернизация укрепляет позиции ислама, делая его ценности приемлемыми для высокомодернизированного мусульманина, живущего в западном (да и российском) обществе. Как считает французский исламовед Оливье Руа, именно такой призыв Рамадана в большей степени соответствует принципам принятого во Франции лаицизма, чем если бы он выступал вообще за отмену этих религиозных предписаний. Ведь общество и государство ведают земными, а не небесными делами, поэтому и приговаривать за

такие преступления к телесным наказаниям, и тем более приводить приговор в исполнение не следует. «Ад может подождать». Еще один реформатор, шейх Мухаммад аль-Газали, в своем труде жестко критиковал то, что он называет «*аль-фикх аль-бадави*» — бедуинской юриспруденцией. Он считает, что набор жестоких суждений и фетв, дискриминирующих женщин, немусульман и часть мусульман именем ислама и *ас-салаф ас-салих*, на самом деле является искажением ислама.

Но и подверженность модернизации, которую переживает мусульманский мир, ставший одной из важнейших и влиятельных частей мирового сообщества, не означает принятия им всех ценностей и норм, выработанных другими цивилизациями, даже если они санкционированы международным правом. Влияние исламских норм, к примеру, заставило мусульманские государства критически подойти к некоторым элементам такого документа, как Декларация прав человека, статья 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает **свободу менять свою религию** (выделено мною. — В. Н.) или убеждения и свободу, исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Кстати тех, кто работал над текстом этой декларации в ООН, был известный ливанский политический деятель того времени (христианин по вероисповеданию) Шарль Малик. В 1981 году Исламский совет Европы принял свою Всеобщую исламскую декларацию прав человека, разработанную группой видных мусульманских интеллектуалов, в том числе бывшим президентом Алжира Ахмедом бен Беллой. Документ был представлен в ЮНЕСКО, но тогда не получил никакого резонанса. Однако позднее, в августе 1990 года, на саммите Организации «Исламская конференция» была принята получившая широкую известность Каирская декларация, в которой было сформулировано исламское видение прав человека. Естественно, в ней нет неприемлемого для мусульман права менять религию, а говорится: «Запрещается применять любую форму принуждения человека или воспользоваться его бедностью или невежеством для того, чтобы обратить его в другую религию или в неверие» (гл. 10).

Все сказанное означает, что диалог как единственное средство гармоничного, мирного сосуществования и взаимообогащения культур в условиях глобализации невозможен без достижения доверия, а для этого необходимо преодоление негативных эмоций, в первую очередь страха, толкающего людей на безрассудные действия.